

Научная статья

УДК: 352/354-1

DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

**Великий Петр Панфилович¹,
Вяльшина Анна Александровна²**

^{1,2} Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение
Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр РАН»;
410012, г. Саратов, ул. Московская, 94.

¹ Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник;
petervelikiy1935@mail.ru; ORCID 0000-0001-5104-2153

² Кандидат социологических наук, заведующая лабораторией;
anvyal@mail.ru; ORCID 0000-0001-6723-5961

Аннотация. В статье проанализирована социальная активность различных групп сельского населения и возможности ее расширения. Обоснована ценностно-смысловая обусловленность гражданского участия, выявлены степень готовности сельского населения к объединению для достижения значимых целей и мотивы его участия в различных видах общественной деятельности. Отдельным направлением исследования стал анализ представлений различных групп сельчан о состоянии и перспективах взаимодействия с местной властью, а также их мнений о стимулах развития гражданской активности на местах. Информационную базу исследования составили результаты прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. в сельских территориях Саратовской области (N=1210). Результаты представленного исследования свидетельствуют о дифференциации потенциалов расширения социальной активности разных социальных групп сельского населения. Наибольшую активность демонстрируют работники бюджетных отраслей (учителя, врачи/фельдшеры, работники администрации поселения); остается нереализованным потенциал неработающих женщин, занятых домашним хозяйством и воспитанием детей. Низкие показатели – у работников сельского хозяйства, пенсионеров и сельчан, не имеющих оплачиваемой занятости. Обоснованы предложения

о дальнейшем расширении практик и механизмов взаимодействия органов местного самоуправления с местным сообществом, стимулирования государственно-частного партнерства и активного вовлечения местных жителей в решение проблем жизнеустройства села.

Ключевые слова: социальная активность, потенциал гражданского участия, сельское население.

Для цитирования: Великий П.П., Вяльшина А.А. Предпосылки реализации потенциала социальной активности сельских жителей в современных формах гражданского участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 110–136. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136

Original article

PREREQUISITES FOR REALISING THE POTENTIAL OF SOCIAL ACTIVITY OF RURAL RESIDENTS IN MODERN FORMS OF CIVIC PARTICIPATION

Peter P. Velikiy¹, Anna A. Vyalshina²

^{1,2} Institute of Agrarian Problems – Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 94 Moskovskaya St., 410012 Saratov, Russia.

¹ Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher; petervelikiy1935@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5104-2153

² Ph.D. (in Socioligy), Head of the Laboratory; anvyal@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6723-5961

Abstract. The article examines the features of social activity of various groups of the rural population as well as the possibilities of its expansion. The study substantiates the value and semantic conditionality of civil participation, reveals the degree of readiness to unite with other people to achieve significant goals, and identifies the motives of their participation in various types of public activities. A separate area of the research was devoted to analysing perceptions of various groups of villagers about the state and prospects of interaction with local authorities, as well as their views on the incentives for the development of civic activity in the localities. The results of an applied sociological study conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in 2023 in rural areas of the Saratov region ($N = 1210$) served as the information basis for the current research. The results of the study indicate the differentiation of the potential for expanding social activity of different social groups of the rural population. The greatest activity is demonstrated by workers in budgetary sectors (teachers, doctors/paramedics, settlement administration workers); the potential of unemployed women

involved in housework and raising children remains unrealized. The lowest rates are observed for agricultural workers, pensioners and rural residents who are not engaged in paid employment. The authors put forward proposals on further expansion of practices and mechanisms of interaction between local self-government bodies and the local community, stimulation of public private partnerships and active involvement of local residents in solving problems of rural livelihood.

Keywords: social activity, potential for civic participation, rural population, sociological research.

For citation: Velikiy, P.P. and Vyalshina, A.A. (2024) 'Prerequisites for realising the potential of social activity of rural residents in modern forms of civic participation', *Public Administration Issues*, 3, pp. 110–136. (In Russian). DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136

JEL Classification: H79, O18, R59.

Введение

Одним из ключевых направлений решения внутренних проблем страны и ее регионов и укрепления основ социального государства признается развитие общественно-государственного партнерства и расширение гражданского участия населения. Практики гражданского участия выступают важным фактором влияния на эффективность государственного управления, инновационное развитие, особенно в социальной сфере (Якимец, Никовская, 2019). Сегодня в России государство активно поддерживает развитие общественных структур, таких как Общественная палата Российской Федерации, Общероссийский народный фронт, создаются условия для реализации различных форм гражданского участия (деятельности НКО, добровольчества, гражданских инициатив). Однако само по себе наличие множества форм и практик гражданского участия не гарантирует усиления мотивации людей к его проявлению, а также эффективного использования общественного потенциала. Исследование участия граждан в процессе принятия решений и достижения общественно важных целей важно для понимания мотивов и моделей поведения различных групп населения, а также формирования (разработки) эффективных моделей согласования интересов и потребностей социальных акторов села и их внедрения в процесс соуправления. Именно от социальной активности, гражданственности населения, от готовности граждан к добровольному объединению для решения своих проблем зависит успешное развитие местного самоуправления.

Сельские территории традиционно играют важную роль в социально-экономическом развитии России. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий страны является стратегической задачей государственного управления. В сельской России продолжаются процессы пространственного сжатия, депопуляции населения, концентрации сельскохозяйственного

производства с одновременной локализацией мелких форм хозяйствования, деградации материально-технической базы сельского хозяйства и производственной инфраструктуры. В последние годы для комплексного развития сельских территорий предусмотрена в числе прочих грантовая поддержка местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности. Это свидетельствует о признании властями всех уровней диалога с местным населением как важнейшего ресурса развития сельских территорий России. Тезис о том, что устойчивое развитие сельского пространства невозможно без стимулирования социальной самоорганизации населения, подтверждает и мировая практика (см., например: Etzioni, 1996; Quaghebeur, 2006; Gilchrist, 2004; Williams, 2004).

В настоящем исследовании деятельность граждан, направленная на улучшение среды обитания, социальную помощь, благоустройство территорий, решение социально значимых задач, трактуется как социальная активность. Участие может осуществляться путем непосредственного или опосредованного объединения индивидов в группы и сообщества различной степени устойчивости и формализации (Уханова, 2020). Авторы статьи солидарны с подходом Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, согласно которому основными характеристиками общественной активности является самостоятельность в координации своих действий, артикуляция отстаиваемых интересов, поиск ресурсов для реализации потребностей, выходящих за рамки интересов семьи или бизнеса (Мерсиянова, Иванова, 2021).

Гражданская активность формируется в процессе взаимодействия граждан с государством (по вертикали), характеризуется наличием интереса к подобным взаимодействиям со стороны органов государственной власти и зачастую инициируется ими же. Однако нужно учитывать численность и человеческий потенциал сельских сообществ, пострадавшие в результате аграрной реформы на рубеже XX и XXI вв. В этой связи особую актуальность приобретают такие качества человека, как готовность брать на себя заботы об обустройстве места обитания, что наиболее эффективно за счет самоорганизации.

Модернизация аграрного производства, проведенная по модели аграрной реформы, резко снизила возможности трудовой занятости сельских жителей. Как отмечает З. И. Калугина, с 1992 по 2009 г. около полумиллиона жителей села в трудоспособном возрасте отчаялись найти хоть какую-то работу и перешли в статус хронически безработных (Калугина, 2015, с. 211–212). Сельские жители с тех пор стали рассеиваться по просторам страны, селясь преимущественно в городах или работая вахтовым методом на предприятиях Севера (Великий, 2010, с. 44–49) Эти издержки не могли не отразиться на традициях совместной жизнедеятельности населения: люди стали более замкнутыми, поскольку не видят предмета и смысла общей заботы, хотя в любом селе проблем жизнеустройства немало.

Приступая к исследованию, авторы исходили из предположений о том, что, во-первых, социальное участие сельских жителей всех категорий является неотъемлемым качеством и проявлением сельской культуры. Сель-

ское население длительное время адаптировалось к последствиям проводимых реформ, результатом чего стало смещение общественных интересов на периферию индивидуальных ценностей. Исследователи подтверждают, что «в кризисные годы... люди все меньше чувствуют себя обязанными на безусловную жертву ради общества, ради его процветания» (Муниципальная Россия., 2010, с. 61). Социально-экономические преобразования последних десятилетий способствовали возрастанию ценности собственного участия в общественной жизни локального сообщества в иерархии индивидуальных жизненных ориентиров. Во-вторых, наблюдаемая дифференциация социальной активности сельского населения обусловлена социоструктурными критериями – демографическими характеристиками и достигнутым уровнем профессионально-квалификационного развития, сферой деятельности, а также освоенным образом и стилем жизни.

Для доказательства данных гипотез проведено исследование, цель которого – обоснование направлений поддержки и развития социальной активности сельского населения на основе анализа особенностей его основных групп, а также выявление факторов расширения его взаимодействия с местной властью. В ходе работы были изучены: ценностно-смысловая обусловленность социальной активности различных социальных групп сельского населения; оценка их готовности к коллективному взаимодействию на благо местного сообщества. Также был проведен анализ вовлеченности сельского населения в те или иные виды социальной активности и изучены мнения различных групп сельчан о перспективах взаимодействия с органами местной власти (о готовности власти к эффективным контактам с населением, о возможных стимулах расширения взаимодействия общества и власти). Особое внимание в работе уделено анализу мнения респондентов о роли местной администрации и ее готовности к обратной связи с населением, а также анализу факторов, препятствующих эффективному взаимодействию власти и граждан.

Полученные результаты исследования позволяют оценить степень вовлеченности различных социальных групп сельского населения в основные виды социальной активности по решению местных проблем, проанализировать мотивы и барьеры участия в различных видах инициатив, а также отношение к проектной деятельности на местах как местного населения, так и органов местной власти.

Теоретическое обоснование исследования

Представления исследователей о гражданском участии опираются на разработки отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих взаимодействие органов власти и граждан. Изначально в политическом ракурсе гражданское участие – это деятельность отдельных граждан, направленная на прямое или косвенное влияние в отношении политики различных уровней власти (Lester, Milbrath, 1977). В этом подходе акцент сделан на вертикальном взаимодействии индивидов, группы или сообщества с государством. М. Р. Холмская предлагает рассматривать гражданское уча-

стие как конституционно зафиксированную и гарантированную правовыми институтами возможность граждан публично высказывать свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, для оказания организованного влияния на органы власти (Холмская, 1999, с. 172). И. А. Скалабан и Л. И. Никовская считают, что смысл гражданского участия – в непосредственном или опосредованном влиянии граждан на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы (Никовская, Скалабан, 2017). При этом исследователи обозначают гражданское участие, наряду с политическим и социальным, как составную часть общественного участия.

В начале XXI в. исследователи стали выделять в качестве основного критерия участия граждан в процессе деятельности индивидов или групп наличие общественно значимого социального результата. И. В. Щербакова считает, что в социальном пространстве наблюдается как совместная реализация частных интересов институализированного вида (так называемое «санкционированное участие»), так и «обывательские» социальные взаимодействия (Щербакова, 2017). Е. В. Реутов делает акцент на «проявлении гражданами активности в публичной сфере ради реализации субъективно и социально значимых целей» (Реутов, 2015, с. 9). При этом признается, что гражданское участие локализуется на горизонтальном уровне в форме различных социальных практик.

Зарубежные исследователи также уделяют внимание изучению гражданского потенциала участия и самоорганизации разных групп населения, рассматриваемого в качестве ресурса социального развития и являющегося объектом научного внимания теории ресурсной мобилизации (М. Олсон, Дж. Маккарти, М. Зальд, А. Обершол и др.). Основные исследования ученых – представителей этого направления были сосредоточены на вопросах мобилизации ресурсов социального движения для достижения общих целей (см., например: Zald, 1987). В контексте мобилизационного подхода Н. Залд и Ч. Тилли (цит. по: Здравомыслова, 1990) рассматривают социальное движение как совокупность установок на социальное изменение, один из специфических видов организации, имеющей внутренние и внешние факторы и ресурсы развития. Ряд исследователей (как, например, Adler и Goggin, 2005) трактуют гражданское участие как коллективное действие в форме совместных практик и сотрудничества по улучшению условий в гражданской сфере.

Появление разнообразных форм и практик самоорганизации сельского населения и особенности социальных механизмов их формирования определяют эволюционную траекторию развития всего сельского социума. Процессы глобализации видоизменяют социально-пространственные характеристики сельской местности, ценностно-смысловые ориентиры сельчан, трансформируют систему их мотивации и гражданскую субъектность. Главными барьерами расширения социального участия и гражданских инициатив сельского населения становятся нынешние институциональные условия их развития, низкий уровень доверия к местной власти, слабая заинтересованность отдельных социальных групп населения. Тем не менее процессы глобальной социально-информационной диффузии свидетельствуют

о растущей заинтересованности местных жителей в соучастии в принятии управленческих решений, развитии местных инициатив для улучшения имеющихся условий на территории, общественной активности для повышения качества жизни уязвимых категорий односельчан (Мухаметкалиева, Бастаубаева, 2018).

Самоорганизация возникает на уровне местных сообществ, обладающих общностью мировоззренческих установок, культурно-исторических и социально-экономических особенностей. Эксперты отмечают, что самоорганизация представляет собой совокупность активных начинаний, инициированных индивидами и/или социальными группами в целях оптимизации параметров своего повседневного существования (см. об этом: Виноградский, Виноградская, 2023).

Феномен самоорганизации заключается в активизации социальной деятельности через выражение территориальных интересов общности на основе осознания и желания реализации своих возможностей для их обеспечения. Поэтому особое значение приобретает изучение процессов формирования практик самоорганизации сельского населения для выявления ресурсных возможностей локальных сообществ для перехода к устойчивому развитию аграрной сферы и сельского социума в целом.

В последние годы в исследовательской практике проблематика оценки гражданского участия на локальном уровне и особенностей самоорганизации различных социальных групп населения становится особенно востребованной. Как отмечает Я. Хонг (Hong, 2018), местные жители – самая важная и наиболее способная к активному участию в процессе улучшения повседневной жизни и создания пригодных условий для проживания группа. Добровольное участие в этом процессе рассматривается зачастую как бесконечный ресурс, причем поднимаются в основном вопросы нематериальных затрат (Anggraeni, Gupta, 2019). Характерно, что эти межличностные взаимодействия могут осуществляться как в институциональных формах, так и неформально (реализовываться в индивидуальных и/или коллективных практиках и воплощать альтруистические устремления индивидов/социальных групп, а также их потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми и т.п.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в научной литературе существует несколько теоретических подходов к исследованию гражданского участия, сосредоточенных как на практиках вертикального взаимодействия власти, локальных сообществ и индивидов, так и на горизонтальных взаимоотношениях социальных групп между собой и с представителями власти для реализации общественно значимых целей. Авторы настоящей статьи считают, что общественное участие сельского населения является не только ресурсом устойчивого развития сельских территорий страны, но и источником воспроизводства коллективных традиций, солидарности, социальной сплоченности в российском обществе. Мотивы гражданского участия формируются под влиянием социальных установок и предпочтений локальных сообществ, при наличии осознанного общественного интереса к проблемам территории, возможностей реализации местных инициатив,

а также зависят от существующего уровня «обратной связи» местной власти и ее готовности и открытости к взаимодействию с общественностью.

Непременной теоретико-методологической задачей являлось выделение групп внутренней дифференциации населения «среднего» села (middle country) по аналогии с выделенным американскими социологами в 1930-х гг. населением среднего типичного города (middle city). Американские ученые считали, что «город – это особая система с типичной биографией, и, следовательно, отдельные города обладают достаточным сходством, чтобы знание, полученное об одном городе, могло считаться (до некоторой степени) истинным и для других городов» (Парк, 2002, с. 7). Данный типичный объект в российском сельском пространстве должен обладать минимальным набором производственной, социальной и культурной инфраструктуры, укомплектованной соответствующим персоналом, и иметь демографический состав, достаточный для заполнения хотя бы части высвобождающихся рабочих мест.

Саратовская область по основным природным, экономическим и социальным характеристикам является типичным регионом Российской Федерации, что позволяет распространить выводы исследования на другие регионы (Зубков, 2012). В условиях многоотраслевого хозяйства в СССР существовала возможность вертикальной стратификации, которая была утрачена с началом аграрной реформы. Суть вертикальной стратификации в том, что, например, тракторист, получивший среднее профессиональное или высшее образование (заочно), рассчитывал стать механиком или инженером, скотник – зоотехником, ветврачом и т.д. И это было перспективно и для индивида, и для сельскохозяйственной организации, и для сельского сообщества. В таких условиях был бы возможным социально-профессиональный подход.

К настоящему времени сложился совершенно другой тип дифференциации социальных групп сельского населения средней деревни, в которой нет промышленных предприятий, а действуют зачастую одна организация корпоративно-долевого уклада и несколько крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ). После перехода социально-экономических отношений на принципиально новые формы получения материальных благ и духовных ценностей изменились основания социального структурирования с соответствующим неравенством статуса и неравномерностью распределения социальных ролей в среде сельских сообществ.

Неравенство статуса сельских жителей как форма их социальной дифференциации существовало во все времена. В настоящее время у сельчан сложились устойчивые стереотипы социальной значимости статуса с соответствующим ему уровнем жизни в следующей иерархии (от высшего к низшему): фермер/предприниматель, учительство, успешные хозяева товарных ЛПХ (личных подсобных хозяйств), служащие муниципальных органов, пенсионеры, работники массовых сельскохозяйственных профессий (в ООО и у фермера), далее все остальные – фельдшеры, клубные и библиотечные работники, почтальоны и продавцы. Такое выделение уровней статуса имеет в основании ряд причин, но прежде всего главная причина – ограниченный набор сфер приложения труда на селе. Ведь все простран-

ство трудовой занятости в типичном селе состоит из 10-15 секторов: от фермерства и учительства до почтальона и уборщицы в магазине. Перемещения между этими группами возможны лишь горизонтально: работник клуба может стать почтальоном и наоборот, но ни тот, ни другой не могут стать учителем. И напротив, движение от высшей статусной позиции к низшей является более реальной перспективой, например, для учительницы, если в селе ее проживания закрывается школа.

Сложившаяся социальная дифференциация современного села обуславливает характер и особенности взаимодействия социальных групп, а также различия в их мотивации к общественной деятельности.

Результаты исследования

В Саратовской области активно реализуется государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий». В селах области проживает четверть всего населения – около 582 тыс. человек. Основной целью комплексного развития сельских территорий (далее – КРСТ) является сокращение оттока жителей и сохранение населения на уровне не ниже 25%, а также создание условий для обеспечения жильем на селе, развитие инфраструктуры и рынка труда, привлечение молодых специалистов.

По данным Министерства по делам территориальных образований Саратовской области, в регионе наблюдается рост интереса как граждан, так и муниципалитетов к инициативному бюджетированию. Так, число его участников увеличилось с 54 проектов в 2017 г. до 283 в 2024 г. Ключевыми направлениями реализуемых проектов являются физическая культура и спорт, организация мест массового отдыха жителей, благоустройство территории, организация водоснабжения и водоотведения в населенных пунктах, а также обеспечение первичных мер пожарной безопасности. На реализацию проектов в 2024 г. в региональном бюджете предусмотрено выделить 140 млн руб. Общая стоимость реализации инициативных проектов в 2024 г. составит 206,5 млн руб., в том числе размер вклада социально ответственного бизнеса – более 20,8 млн руб., размер вклада активных жителей – 12,3 млн руб. (Подведены итоги..., 2024).

В Саратовской области действует региональная Ассоциация развития территориального общественного самоуправления Саратовской области, проходят конкурсы «Лучшая практика работы территориального общественного самоуправления (ТОС) в Саратовской области». Практики деятельности ТОСов тиражируются как на региональном уровне, так и на федеральном. Например, ТОСы Энгельсского муниципального района регулярно входят в число победителей Всероссийского конкурса «Лучшая практика ТОС». Таким образом, содержательное наполнение пространства общественной самодеятельности конкретной области позволяет придать практикам более масштабный характер.

Информационной базой исследования являются результаты прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН. Объект исследования – жители сельских поселений Саратов-

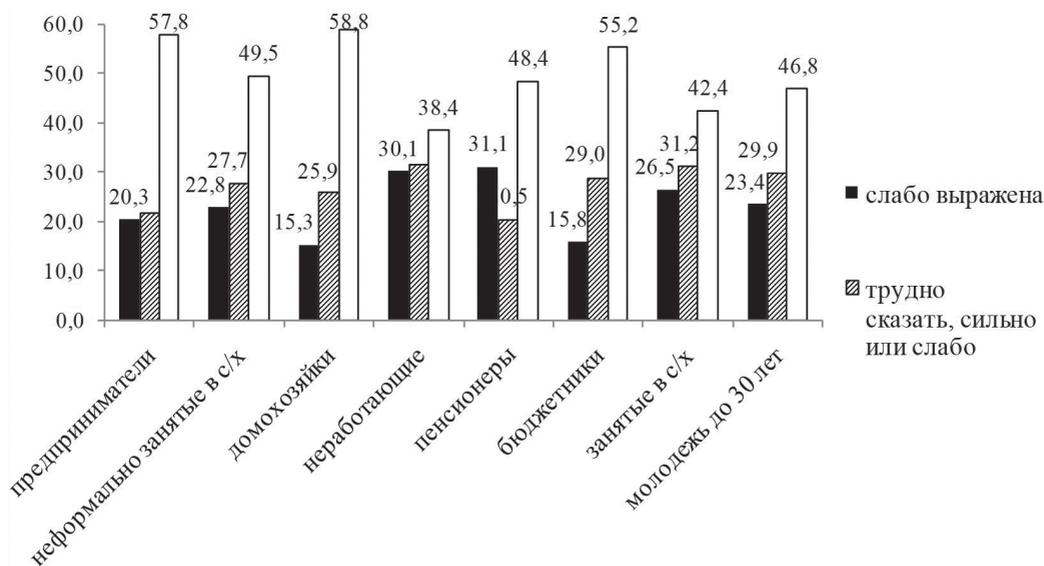
ской области (N=1210). Выборка целевая, квотная, пропорциональная социоструктурным критериям, связанным с профессионально-квалификационными характеристиками, а также наличием занятости и ее типом (предприниматели – фермеры; наемные работники сельского хозяйства; работники бюджетной сферы; неформально занятые в сельском хозяйстве – ведут товарное ЛПХ на продажу и/или для собственного потребления; пенсионеры; лица трудоспособного возраста, не имеющие оплачиваемой занятости). В составе опрошенных 495 мужчин (40,9%) и 715 женщин (59,1%). Среди респондентов 191 человек в возрасте до 35 лет (16,1%), 303 человека 36–45 лет (25,5%), еще 468 в возрасте 46–60 лет (39,5%), остальные 224 старше 60 лет (18,9%). В составе опрошенных 430 человек, занятых в бюджетных отраслях (36,2%), 189 наемных работников сельского хозяйства (15,9%), 77 предпринимателей (6,5%), 108 лиц, занятых товарным ЛПХ (9,1%), 199 пенсионеров (16,7%), 98 женщин-домохозяек (8,3%) и 86 человек, не имеющих официальной оплачиваемой занятости на момент опроса (7,3%). Респонденты опрашивались в 62 сельских поселениях Саратовской области. Распределение опрошенных по населенным пунктам различной людности следующее: до 500 жителей – три населенных пункта (4,8%), от 500 до 1 000 жителей – 15 (24,2%), от 1 000 до 2 000 – 22 поселения (35,5%), от 2 000 до 5 000 жителей – 16 поселений (25,8%) и более 5 000 жителей – шесть поселений (9,7%).

Результаты проведенного социологического исследования показывают, что у половины опрошенных потребность участвовать в жизни своего села сильно выражена, особенно у предпринимателей, домохозяек и работников бюджетной сферы (рис. 1). Слабо выражена такая потребность у молодежи (в том числе у 13,0% вообще отсутствует), пенсионеров (у 16,8% отсутствует), работников сельского хозяйства. Потребность быть полезным на благо своего поселения является социальной потребностью, несущей оценочную составляющую со стороны окружающих («молодец, что участвуешь» или «ты пустое место для общества») и формирующей те или иные ожидания у индивидов со стороны односельчан. Она сильно выражена у 54,4% респондентов, особенно у работников бюджетной сферы села (60,1%) и домохозяек (62,3%), а слабо – у неработающих сельчан (30,1%) и пенсионеров (31,1%).

Полученные данные свидетельствуют, что около 33,0% сельских жителей испытывают личную ответственность за происходящее в их населенном пункте, главным образом, это домохозяйки (40,4%), пенсионеры (41,5%) и лица, занятые товарным ЛПХ (47,1%). Индивидуальную ответственность за происходящее на работе ощущают около 27,7%, их доля выше среди молодежи до 30 лет (30,5%), работников бюджетной сферы (43,5%) и предпринимателей (45,3%). За события, происходящие в ближайшем окружении, чувствуют ответственность около 23,9% респондентов, особенно высока в их составе доля пенсионеров (31,0%). Ближайшее окружение является предметом личной ответственности для работников сельского хозяйства, имеющих как официальную занятость (26,0%), так и неформальную (26,7%); домохозяек (31,9%), пенсионеров (37,8%) и особенно безработных (43,4%). Ответственными за происходящее в стране чаще называют себя молодые люди до 30 лет (17,1%), пенсионеры (16,0%) и предприниматели (14,7%).

Рисунок 1

Распределение групп по ориентирам участия в жизни своего села, %

Примечание: Данный индикатор оценивался по ответам на вопрос: «Укажите степень выраженности лично для вас потребности участвовать в жизни своего села по 5-балльной шкале, где 1 – потребность отсутствует, 5 – потребность ярко выражена». Сумма баллов 1 и 2 представляла обобщенную позицию «слабо выражена», 3 – «трудно сказать, сильно или слабо», 4 и 5 – «сильно выражена».

Источник: Составлен авторами.

В ценностно-смысловой обусловленности гражданской активности особое место занимает территориальная идентичность с регионом проживания, которую эксперты считают важным нематериальным активом поселения и фактором его развития (Воробьева, 2023). В работах И. А. Скалабан, О. А. Серебрянниковой показано, что территориальная идентичность стимулирует желание и потребность участвовать во внутривнутрирегиональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием данного региона, заявлять свое «право на территорию» (Скалабан, Серебрянникова, 2014). Предполагается, что социальные группы населения с высоким уровнем территориальной идентичности демонстрируют выраженную деятельность через практики социального участия на основе соотношения личности с регионом, региональным сообществом и определенными социальными группами.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о высоком уровне территориальной идентичности опрошенных сельских жителей. Около 73,7% опрошенных сельчан, выбрав оценки «я рад, что живу здесь» и «в целом я доволен, хотя некоторые моменты не устраивают», указали, что испытывают положительные эмоции по отношению к региону проживания. Чаще остальных о позитивной территориальной идентичности говорят работники бюджетной сферы (77,2%) и неформально занятые в сельском хозяйстве (75,9%). Негативная территориальная идентичность (выбор

альтернативы «не испытываю особых чувств по отношению к региону проживания» и «мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать») характерна для 12,0% опрошенных. Чаще остальных на это указывают представители молодежи до 30 лет (15,3%). Работники сельского хозяйства, имеющие официальную занятость (15,9%) и неформальную (15,7%), так же как и некоторые фермеры (14,5%), демонстрируют негативную территориальную идентичность. Однако в среднем только 6,2% респондентам свойственны миграционные намерения (выбор альтернативы «хотел бы уехать в другой регион России» или «хотел бы вообще уехать из России»). Чаще остальных на это указывает молодежь до 30 лет (10,6%), лица, занятые ведением домашнего хозяйства (10,4%), и сельчане, не имеющие оплачиваемой занятости (безработные) (9,4%).

Готовность сельских жителей к участию в общественной деятельности

Около 79,4% опрошенных сельских жителей отнесли себя к лицам, готовым объединяться для совместных действий по решению общих проблем в местах проживания. Чаще остальных на это указывали работники бюджетной сферы и неформально занятые в сельском хозяйстве. Неготовность к объединению чаще остальных демонстрировали молодые люди до 30 лет (29,8%), работники сельского хозяйства (27,4%), пенсионеры (23,3%) и особенно сельчане, не имеющие оплачиваемой занятости (37,6%).

Полученные данные опроса показывают, что наибольшим потенциалом социальной активности для значимых улучшений в жизни своего населенного пункта обладают работники бюджетной сферы, лица, занятые домашним хозяйством, а также молодежь, которая разделилась на две группы: около 37,2% из молодых людей указали на неготовность к активной деятельности на благо своего поселения, а остальные выразили готовность объединяться с другими гражданами как для реализации своих прав и интересов, так и для помощи бедным и обездоленным, заниматься волонтерской деятельностью и участвовать в сходах граждан, уличных маршах и митингах. В составе бюджетников только каждый пятый указал на то, что пока не готов принимать активного участия на благо своего населенного пункта, остальные готовы участвовать во всех формах. Домохозяйки также готовы принимать активное участие, кроме волонтерской деятельности и участия в уличных акциях и митингах. Предприниматели оказались единственной социальной группой на селе, которая выразила готовность к какой-либо деятельности на благо своего поселения ниже среднего по выборке. Низкие показатели также у пенсионеров, ограничивающихся участием в выборах (24,6% при выборочной средней 21,9%), работников сельского хозяйства, согласных подписывать открытые письма и обращения (12,8% при средней по выборке 9,5%), неформально занятых, готовых участвовать в дискуссиях на сходах граждан (16,0% при средней по выборке 15,3%), а также безработных сельчан, согласных быть волонтерами (10,6% при средней по выборке 9,0%).

Анализ реальной вовлеченности сельских жителей в социальную и гражданскую активность позволяет сделать вывод о том, что все группы

сельского населения участвуют в общественной деятельности, направленной в основном на благотворительные цели (табл. 1). Больше остальных вовлечены работники бюджетной сферы – они чаще других участвуют в экологических и патриотических акциях, в оказании помощи бедным и в коллективном благоустройстве территории, а также в деятельности общественных объединений. Активность домохозяек более заметна в направлении сбора вещей для бедных и обездоленных, благоустройстве территорий и коллективных обращениях в органы власти. Предприниматели также участвуют в благотворительной деятельности своего поселения: жертвовали деньги на эти цели около 43,4% (при средней по выборке 26,4%), собирали вещи для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, – 28,9% (при выборочной средней 26,4%). Молодежь до 30 лет чаще остальных принимала участие в экологических и патриотических акциях, а также в объединении граждан для реализации общих интересов. Сельчане, занятые товарным ЛПХ, чаще остальных групп участвовали в благоустройстве территории (44,9% при средней по выборке 38,2%), патриотических акциях (19,6% при средней по выборке 16,5%), а также волонтерской деятельности (16,8% при средней по выборке 9,6%). Минимальный уровень участия в общественной жизни своего села отличает лиц, официально занятых в сельском хозяйстве, равно как и безработных сельчан. Пенсионеры чаще остальных помогали в сборе вещей и средств для людей, попавших в трудные ситуации, они также чаще остальных обращались в государственные органы власти с различными запросами. В то же время около 43,5% безработных сельских жителей, 34,2% работников сельского хозяйства и 33,3% пенсионеров за последние 12 месяцев не участвовали ни в каких видах локальной общественной деятельности.

Объяснение дифференциации социальной активности (табл. 1) кроется в специфике жизни каждой из представленных социальных групп. Одни из них, перейдя в новый порядок социальных отношений в послереформенные годы, функционально выполняли те же действия, что и в социалистическом обществе: учитель учит детей, медицинский работник озабочен здоровьем населения, библиотекарь – распространением знаний и повышением культуры. Однако в реальности эта нормативная модель не совпадает с реальным статусом этих групп. Его изменение связано с тем, что вошло в их новые обязанности, а что было утрачено.

Наиболее деформирован на селе статус учителя, что во многом обусловлено в том числе критикой учителя родителями учащихся. Кроме того, существуют и объективные предпосылки снижения статуса учительства: жители села видят, что удельный вес выпускников, обученных справляться с ЕГЭ, мал, и дети, ориентированные на поступление в вузы, ищут репетитора в школах районных центров или ближайших городов. Взаимное отстранение учительства и локального сообщества не способствует консолидированным действиям на благо деревни. Произошли изменения и в образе медицинского работника. И хотя в селах это исключительно фельдшер, жители предъявляют к нему требования, выходящие за рамки его профессиональной компетенции.

Таблица 1

Распределение ответов сельских жителей на вопрос: «Приходилось ли вам за последние 12 месяцев участвовать в общественной жизни вашего поселения?»*, **

	Предпри- ниматели	Неформально занятые в сельском хозяйстве	Домохо- зяйки	Неработа- ющие	Пенсио- неры	Бюджет- ники	Занятые в сельском хозяйстве	Молодежь до 30 лет	Среднее
Экологические акции	9,2	6,5	9,4	11,6	8,1	19,1	11,2	15,1	12,8
Сбор вещей, средств для лиц, оказавшихся в трудной ситуации	28,9	21,5	30,2	15,1	28,4	34,6	12,3	25,6	26,4
Волонтерская деятельность	6,6	16,8	9,4	8,1	6,1	12,2	6,4	12,8	9,6
Подписывал коллективные петиции, обращения	5,3	6,5	7,3	7,0	6,1	4,5	7,5	3,5	5,8
Жертвовал деньги на благотвори- тельность	43,4	24,3	26,0	11,6	21,3	33,2	20,9	14,0	26,4
Участвовал в деятельности ТСЖ, ТОС, СНТ	1,3	0,9	2,1	4,7	0,5	7,3	2,1	2,3	3,8
Обращался в госорганы с запросом, жалобой	2,6	1,9	1,0	1,2	4,6	4,0	2,7	1,2	3,1
Пагтриотические акции	15,8	19,6	15,6	7,0	10,2	23,1	13,9	18,6	16,5
Коллективное благоустройство территории	32,9	44,9	43,8	22,1	30,5	47,3	27,3	30,2	38,2
Объединялся с другими для решения общих проблем, защиты прав	6,6	1,9	3,1	2,4	3,6	4,9	5,0	5,8	3,5
Ни в чем подобном не участвовал	25,0	29,0	24,0	43,5	33,3	14,1	34,2	31,4	25,7

Примечания: * Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько альтернатив.

** Курсивом выделены ячейки со значениями, превышающими среднее значение по выборке.

Источники: Составлена авторами.

Значительной части социальных групп сельского населения свойственна потребность участия в общественной жизни своего поселения. В качестве основных мотивов этого активные сельчане называют свое воспитание (выбор альтернативы «так воспитан») (35,6%) и желание изменить жизнь к лучшему (31,9%). На мотив соответствующего воспитания чаще остальных указывают социально активные представители из числа домохозяек и предпринимателей. Работники бюджетной сферы, равно как и неформально занятые сельчане, чаще остальных руководствуются желанием изменить жизнь к лучшему. Чувство долга и ответственности в качестве мотива общественной деятельности чаще остальных называют лица старшего поколения (среди 46–60 летних – 29,4%; в составе тех, кому за 60 лет – 31,1%). Среди предпринимателей около 34,5% мотивировали свою вовлеченность в общественную деятельность чувством долга и ответственности, среди работников бюджетной сферы – 28,9%, в составе неформально занятых в сельском хозяйстве – 34,1%.

Важно отметить, что интерес к подобной деятельности и желание помогать людям являются важными мотивами для вовлеченных в гражданскую активность молодых людей до 30 лет (21,1% при средней 14,0%) и сельчан, занятых товарным ЛПХ (20,5%).

Ради живого общения с людьми участвуют в общественной деятельности пенсионеры, неформальные работники сельского хозяйства и неработающие сельчане.

Сравнительно небольшая доля опрошенных относится к институту гражданского участия формально, выбрав альтернативу «меня попросили, я и пошел». На это указали около 13,8% опрошенных. Чаще остальных об этом упоминали мужчины во всех выделенных группах (21,3%), неработающие сельские жители (18,6%), пенсионеры (16,1%) и особенно работники сельского хозяйства (22,4%).

Сельские жители о перспективах взаимодействия с органами местной власти

Взаимодействие органов местного самоуправления с местным населением по вопросам повышения качества его жизни является важным фактором развития сельских территорий. Около 53,3% респондентов считают, что местная администрация готова к сотрудничеству с населением, основанному на инициативе сельчан по развитию и благоустройству своего населенного пункта. Чаще остальных с этим согласны работники бюджетных отраслей и предприниматели. Еще 11,9% сельчан убеждены, что местная власть готова к сотрудничеству посредством расширения участия граждан в корректировке планов и действий муниципалитетов. Больше остальных к этому склоняются работники сельского хозяйства, причем занятые как в формальном, так и неформальном производстве. Около 8,1% респондентов считают, что органы местного самоуправления готовы к взаимодействию с населением через механизм общественного контроля над деятельностью муниципалитетов; с таким мнением чаще согласны молодые сельчане (10,8%), а также работники бюджетной сферы

(10,8%) и сельского хозяйства (9,2%). Однако 18,2% опрошенных сельских жителей указали на то, что не знакомы с существующими формами взаимодействия граждан и местных администраций. Об этом чаще упоминали мужчины (23,2%), пенсионеры (25,8%), неформально занятые (22,1%), а также безработные сельчане (26,5%). Есть небольшая доля тех, кто отмечает неготовность местной власти к взаимодействию с гражданами (8,2%). Чаще остальных это молодые люди до 30 лет (16,9%), предприниматели (13,5%), безработные (16,9%).

Необходимым условием развития гражданской активности населения респонденты считают: наличие лидеров-организаторов из числа граждан, способных сплотить население для решения местных проблем; заинтересованность бизнеса и предпринимателей в продвижении интересов поселения; наличие успешного опыта реализации социальных инициатив, ставших результатом партнерства власти и общества (табл. 2). О необходимости наличия лидеров чаще говорят работники сельского хозяйства, как официальных организаций, так и неформальные. На заинтересованность бизнеса в этой связке указали работники бюджетных отраслей и лица, занятые товарным ЛПХ, однако, судя по ответам респондентов, такое мнение разделяет лишь незначительная часть самих предпринимателей. На успешный опыт партнерских взаимоотношений власти и граждан как действенный механизм стимулирования гражданской активности населения чаще остальных указывают молодежь до 30 лет, домохозяйки и безработные сельчане. Считают, что учет властью интересов и мнения населения может стать реальным стимулом развития гражданской активности, преимущественно работники бюджетной сферы, а также неработающие граждане. Предприниматели же убеждены в позитивном влиянии возможности воздействия на органы местного самоуправления не только путем озвучивания своих интересов, но и путем коррекции управления. Представители сельской молодежи чаще указывают на стимулирование гражданской активности посредством развития механизма обсуждения проблемных вопросов властью и общественностью на различных площадках.

В последние годы эксперты отмечают рост интереса как органов муниципальной власти, так и граждан к взаимодействию в процессе принятия управленческих решений (Доклад о лучших..., 2023). Механизм инициативного бюджетирования не только направлен на выявление и решение приоритетных проблем локального сообщества и территории проживания, но и обеспечивает рациональность использования финансовых средств за счет софинансирования инициатив за счет бюджета, материальной поддержки бизнеса и финансового участия граждан (Фролова, Рогач, 2023).

Анализ отношения сельских жителей к инициативному бюджетированию показал интерес к этому механизму развития территорий: 58,2% опрошенных указали, что, по их мнению, вовлечение граждан в процесс принятия решений о расходовании денег на социально значимые проекты для своего села является полезной практикой. Чаще остальных такого мнения придерживались неформально занятые в сельском хозяйстве (63,0%), а также работники бюджетной сферы (64,4%).

Таблица 2

**Распределение ответов сельских жителей на вопрос:
«Что могло бы способствовать развитию гражданской активности населения?»**

	Предприниматели	Неформально занятые в сельском хозяйстве	Домохозяйки	Неработающие	Пенсионеры	Бюджетники	Занятые в сельском хозяйстве	Молодежь до 30 лет	Средняя
Наличие лидеров из числа граждан	50,0	60,6	47,7	31,6	53,6	51,5	54,2	41,5	51,2
Заинтересованность бизнеса	12,2	25,0	22,7	14,1	21,8	26,2	23,7	18,5	23,0
Создание площадок для перетоворов граждан и власти	5,4	5,8	3,4	7,6	3,4	5,3	4,0	8,5	4,8
Учет властью мнения населения	10,8	5,8	8,0	15,2	7,3	13,6	10,7	8,5	11,1
Если граждане смогут корректировать управление	13,5	3,8	2,3	12,7	7,8	6,6	9,0	9,8	7,4
Успешный опыт реализации социальных инициатив	20,3	18,3	26,1	27,8	20,1	18,9	14,7	23,2	19,6
Численность группы, человек	74	104	88	79	179	412	177	82	-

Однако каждый десятый из опрошенных считает такие проекты бесполезной инициативой, будучи убежден, что власть и население не находят способов продуктивного взаимодействия (9,8%). Чаще остальных на это указывают молодежь до 30 лет (15,1%) и предприниматели (13,9%). Важно отметить, что каждый третий опрошенный указал, что не думал на эту тему (32,0%), что является свидетельством определенной социальной пассивности. Такая позиция больше свойственна молодежи до 30 лет (40,7%), работникам сельского хозяйства (36,1%), домохозяйкам (43,8%) и неработающим сельчанам (44,0%).

В целом 73,2% опрошенных сельских жителей указали, что в их населенном пункте есть объекты для реализации проектов в рамках инициативного бюджетирования. Чаще остальных на это указывают работники бюджетной сферы (82,4%). Мнения опрошенных сельских жителей о готовности их односельчан к финансовому соучастию при реализации подобных инициатив разделились: около 27,1% считают, что большинство граждан будут к нему готовы; чаще остальных с этим согласны предприниматели (35,1%). Однако 36,5% убеждены, что сельчан, готовых вкладывать собственные деньги в софинансирование социально значимых проектов, будет мало. Так думают 41,7% работников сельского хозяйства и 39,8% безработных. Более того, около 15,1% опрошенных считают, что никто не захочет вкладывать свои деньги; среди них больше молодежи до 30 лет (21,2%). Тем не менее 21,1% ответивших убеждены, что если люди будут видеть результат своего труда, то число тех, кто готов участвовать в подобных инициативах, будет увеличиваться. С этим согласны 23,5% респондентов из числа молодежи до 30 лет, 25,0% пенсионеров, 23,0% предпринимателей и 22,9% неработающих сельчан.

Потенциал расширения гражданского участия разных групп сельского населения

Сопоставление показателей участия структурно-дифференцированных групп сельского населения показывает, что в настоящее время в сельском социуме сохраняется потенциал общественной самодеятельности, направленной на достижение целей благополучия в местах жительства.

Самыми активными участниками социальной деятельности на благо своего поселения являются работники бюджетных отраслей: они наиболее полно представлены в различных видах общественной деятельности, что обусловлено как восприятием общественных дел как неотъемлемой части служебного долга, так и мотивацией на основе альтруистических побуждений изменить жизнь к лучшему. Подавляющее большинство из них имеют высшее образование и относятся к среднему и старшему поколению (старше 46 лет). Схожая модель поведения характерна для женщин, занятых ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей (домохозяек). В отличие от группы бюджетников, представители которой имеют оплачиваемую занятость и, следовательно, возможность профессиональной самореализации, домохозяйки, испытывая высокую потребность участвовать в жизни своего поселения и вносить вклад в его развитие, часто не находят возможности реализации своих намерений и потребностей.

Это свидетельствует о наличии в селах неиспользованного потенциала общественной активности.

Общественная активность местных фермеров и предпринимателей в виде личного участия в благих делах (чаще всего за счет денежных вкладов) нередко является реакцией на просьбы местной муниципальной власти. Этот самонастраивающийся механизм участия данной группы в улучшении жизнеустройства членов сельских сообществ тем не менее нуждается в корректировке. Для предпринимателей характерна сдержанная позиция в отношении участия в общественной деятельности. При этом они, безусловно, мотивированы на ее осуществление и демонстрируют высокую потребность в участии в жизни своего поселения. И, отвечая требованиям местной власти выполнять мобилизационные функции в жизнеустройстве поселений, они делают много полезного в различных видах общественной жизни сельских территорий. Тем не менее каждый из предпринимателей имеет собственный опыт взаимодействия с местной властью, вследствие чего часть из них «устала» от этих взаимоотношений, поэтому представители данной группы предпочитают сдержанные модели личного участия.

Невысоким мобилизационным потенциалом участия в коллективной благотворительной деятельности отличается группа работников физического труда разной квалификации, доля которой хоть и небольшая, но по вкладу в создание ресурсов заслуживающая более достойного места в сельском социуме. Работники сельского хозяйства, будучи непосредственно вовлеченными в хозяйственную жизнь своего поселения, имеют минимальные показатели готовности участвовать в общественной жизни. С одной стороны, эту пассивность и отсутствие личных инициатив можно объяснить усталостью от монотонной работы на машинах и механизмах, что действительно нелегко, тем более что по возрасту большинство из них близко к пенсионному.

Однако глубинная причина связана с утратой в сельскохозяйственном производстве института восходящей мобильности, существовавшей и хорошо работавшей в недавнем прошлом, а для этого почти не осталось условий в наше время. Лифты восхождения по ступеням профессиональной лестницы и карьеры раньше были доступны, если человек, работая, получал свидетельства роста своей квалификации (дипломы, аттестаты), был активен в общественных делах. Все это исчезло вместе с неэффективным сельским хозяйством, однако проблемы остаются. Следовательно, нужно преодолеть ситуацию, при которой главный участник создания продовольственной безопасности страны в трудовой повседневности остается в социальной позиции маленьким человеком. Большинство из них полагают, что общественная деятельность – это удел специально обученных людей и соответствующих организаций, и развивать всю эту деятельность, как и нести ответственность за нее, должно государство. Многие из них в социальную активность вовлекаются административным ресурсом («меня попросили, и я пошел»).

Что касается лиц, неформально занятых в сельском хозяйстве, то они значительно отличаются от предыдущей группы – в первую очередь ак-

тивной заинтересованностью в жизни поселения, ощущением индивидуальной ответственности за происходящее в нем, демонстрируя высокую готовность к объединению с другими для улучшения жизни в своем поселении. Однако забота о подворье как об основном источнике их материального благополучия занимает все дневные, а порой и ночные часы, что ограничивает их активную деятельность, при этом потенциал расширения гражданского участия, несомненно, присутствует.

Особое место в социальной структуре жителей села занимает сельская молодежь. С одной стороны, входя в одну из профессий, они наделяются признаками соответствующей структурной группы. С другой, ее доля в этих профессиональных группах крайне мала. Даже окончивая вузы и колледжи сельскохозяйственного профиля и возвращаясь в село, они не могут найти свободных рабочих мест. Отсюда их пребывание «в транзите» между деревней и городом, что вынуждает исследователей при социальном анализе использовать демографический признак не как социоструктурный, а как основной.

Молодежь до 30 лет представлена двумя группами: одной общественной деятельностью не интересна, да и не нужна, другие же активно принимают в ней участие. Главным барьером расширения своего гражданского участия при опросе они назвали недоверие к органам местного самоуправления. Они считают, что местная власть не готова к сотрудничеству с гражданами и нынешние модели этого взаимодействия неэффективны. Кроме того, они указывают на отсутствие времени на общественную деятельность, желание тратить свое время на другие, более важные для них цели.

Тем не менее в составе молодежи есть группа активистов, которая ориентирована на новые виды социальной активности: участие в волонтерской деятельности, подписание коллективных обращений и петиций, объединение с другими гражданами для реализации как общих целей, так и своих интересов и прав. Их привлекают экологические и патриотические акции, при этом перспективу развития взаимодействия власти и граждан они видят в современных способах коммуникации – создании площадок для переговоров с муниципалитетами, транслирования успешных практик взаимодействия власти и общественности.

Пенсионеры как социальная группа отличаются низкой вовлеченностью в общественную деятельность и невысоким потенциалом ее активизации. Главными причинами этого являются слабое здоровье и отсутствие физических и психических сил на общественную деятельность. Тем не менее пенсионеры демонстрируют высокую ответственность за происходящее в месте своего проживания и ближайшем окружении. Наиболее распространенный формат их общественного участия – голосование на выборах; потенциал расширения своего участия они видят в наличии лидеров – активистов из числа граждан.

Группа неработающих сельских жителей – наиболее социально пассивная часть сельского сообщества. Пассивность их обусловлена как соответствующей системой жизненных ценностей, так и образом жизни. Представители этой группы характеризуются невысоким уровнем обра-

зования, слабыми возможностями успешного индивидуального жизнеустройства. Как показал опрос, они считают, что ни власть, ни они сами не готовы к активному взаимодействию на благо общества; они зачастую не осведомлены о социальном партнерстве и возможных форматах такого взаимодействия, поэтому потенциал расширения их гражданского участия минимален и трудно реализуем.

Заключение

В настоящее время в агросфере действуют две конкурирующие между собой концепции организации хозяйственных и трудовых отношений – техноцентрическая и антропоцентрическая. Первая ориентирована на преимущественное использование технических и технологических компонентов. В реальной практике она выражается в доминировании средств контроля над работающим человеком, и на этой информации осуществляется оценка качества его работы и компетенции. Вторая направлена на сохранение и рациональное использование живого труда, что особенно актуально в сельскохозяйственном пространстве. Внедрение именно этой концепции наиболее перспективно, так как ведет к интеллектуализации труда, проявлению новых видов мастерства, дает простор для творческого поиска не только по стандартам и нормативам, но и позволяет реализовать творческий потенциал в экономике, культуре, добровольном выполнении общественной работы вне предприятия. Этого как раз и недостает в социально-профессиональном положении работников сельского хозяйства, занятых в организациях фермерского и корпоративно-долевого уклада.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что сформулированные авторами настоящей статьи гипотезы подтвердились. В общественном поведении всех слоев сельских жителей присутствуют сходные практики социальной активности. Они присущи как социально-профессиональным, так и социально-демографическим группам. Все они – молодежь и пенсионеры, работники сельскохозяйственных предприятий и самозанятые, даже хронически безработные и временно безработные – участвуют в выборных компаниях, обустройстве мест проживания и в экологических акциях.

Несмотря на различия в интенсивности и мотивации подобной общественной активности, данный факт свидетельствует о том, что в пореформенной деревне произошел сдвиг от замкнутости сельских жителей на осмыслении способов и путей выживания к новому духовному состоянию как новой нормальности своей жизни. В результате у старших поколений восстановилась ранее сформированная культура, а молодежь «повернулась» к традиционности и коллективизму в смысложизненных ценностях. Таким образом, первая гипотеза подтверждается применительно к каждой выделенной группе сельских жителей.

Подтверждение второй гипотезы, включающей предположение о причинах наблюдаемых различий и интенсивности общественной активно-

сти, сводится к следующим доводам. Жизненное пространство села объективно и субъективно предопределяет неравенство возможностей хорошей жизни. Источники ее либо в ресурсах, получаемых по месту работы, либо товарное подворье. Они различны по объему дохода, затратам времени, интенсивности трудовой нагрузки. Отсюда и различия в возможностях и смыслах общественной деятельности. Одни группы (специалисты, учителя, культработники) считают общественную деятельность элементом культуры работника их уровня и неучастие в ней воспринимают самокритично. Другие, как, например, работники сельского хозяйства и безработные, глубоко не вдумываясь в содержание общественно значимых практик, участвуют в них вместе с односельчанами. Особыми чертами наделена общественная активность женщин-домохозяек, которые охотно участвуют в разных мероприятиях, находя в них отдушину от бытовой замкнутости, а также получая возможность быть среди людей и приносить пользу окружающим.

Проблему готовности органов местного самоуправления к сотрудничеству с гражданами нужно решать путем расширения их контактов с сельским сообществом и повышения его осведомленности о деятельности органов местного управления.

Важно создать благоприятные условия для получения населением информации о работе органов местного самоуправления, для чего развивать органы периодической печати, включая официальные интернет-сайты и издания, где будет представлена информация о текущей деятельности и планах работы органов местного самоуправления. Социальное партнерство местной власти и населения может расширяться посредством организации публичных слушаний, собраний, опросов населения, различных конференций по вопросам как местного значения, так и стратегических направлений социально-экономического развития муниципального образования.

Особое значение для консолидации власти и сообществ может иметь разработка объединяющих идей, проектов, планов по реализации общих интересов местного социально-экономического развития. В этом может быть полезным создание специальных телепередач об успешных муниципальных практиках сотрудничества местной власти и сообщества, включение тематических блоков в популярные телепередачи, организация конкурсов на лучшее информационное освещение мероприятий местного самоуправления, проведение просветительских мероприятий в школах и вузах.

Благодарность:

Авторы выражают искреннюю благодарность Министерству внутренней политики и общественных отношений Саратовской области и Министерству по делам территориальных образований Саратовской области за содействие в организации исследования и в сборе эмпирического материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 355–367. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367
2. Великий П.П. Неотходничество или лишние люди российской деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
3. Воробьева И.Н. Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1. С. 70–85. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.4
4. Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94.
5. Зубков В.А. Человеческий фактор как основа успешного развития аграрного сектора Саратовской области в XXI веке // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 53–56.
6. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭПП СО РАН, 2015.
7. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340–361. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1705
8. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009.
9. Мухаметкалиева Е.М., Бастаубаева А.Ж. Вовлечение общественности в нормотворческую деятельность Казахстана посредством использования краудсорсинга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 138–163.
10. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.
11. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2000. Т. 2, № 3. С. 3–12.
12. Реутов Е.В. Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества: монография. Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2015.
13. Скалабан И.А., Серебрянникова О.А. Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2, № 1 (19). С. 65–74. EDN: SMFSPL.

14. Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е. Общественное участие в деятельности власти: общественное и партисипаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 103–125. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125
15. Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 25–50. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.2
16. Фролова Е.В., Рогач О.В., Разов П.В. Инициативное бюджетирование как механизм повышения качества жизни населения // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 2. С. 66–77. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6; EDN: WWGUPF.
17. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования: обзор отечественной литературы // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 170–176.
18. Щербакова И.В. Особенности территории проживания как фактор гражданского участия // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 64–79.
19. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5, № 3. С. 209–223.
20. Adler R.P., Goggin J. What Do We Mean By “Civic Engagement”? // Journal of Transformative Education. 2005. Vol. 3, no. 3. July. P. 236–253. DOI: 10.1177/1541344605276792
21. Anggraeni M., Gupta J., Hebe J.L., Verrest M. Cost and value of stakeholder’s participation: A systematic literature review // Environmental Science & Policy. 2019. No. 101. P. 364–373.
22. Antoci A., Sacco P. L., Vanin P. Social capital accumulation and the evolution of social participation // Journal of Socio-Economics. 2007. Vol. 36, no 1. P. 128–143. DOI:10.1016/j.socsec.2005.11.011
23. Etzioni A. The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential address // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, no. 1. P. 1–11.
24. Gilchrist A. The well-connected community: a networking approach to community development. Bristol, Policy Press, 2004.
25. Hong Y. Resident participation in urban renewal: Focused on Sewoon Renewal Promotion Project and Kwun Tong Town Centre Project // Frontiers of Architectural Research. 2018. No 7. P. 197–210.
26. Milbrath L.W., Goel M. L. Political participation (2nd ed.). Chicago, Rand McNally, 1977.

27. Quaghebeur R. Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal and empowerment // *Interchange*. 2006. Vol. 37, no. 4. P. 309–331.
28. Williams G. Evaluating participatory development: tyranny, power and (re)politicization // *Third World Quarterly*. 2004. Vol. 25, no. 3. P. 557–578.
29. Zald M.N. *Social movements in an organizational society: collected essays*. 1987.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М.: 2023. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/0609_Doklad_2023_.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
2. Подведены итоги конкурсного отбора инициативных проектов для предоставления субсидии из регионального бюджета на их реализацию. URL: https://saratov.gov.ru/gov/news/podvedeny_itogi_konkursnogo_otbora_initsiativnykh_projektov_dlya_predostavleniya_subsidii_iz_regional/ (дата обращения: 10.09.2024).

REFERENCES

1. Adler, R.P. and Goggin, J. (2005) ‘What do we mean by “civic engagement”?’ *Journal of Transformative Education*, 3(3), July, pp. 236–253. DOI: 10.1177/1541344605276792
2. Anggraeni, M., Gupta, J., Hebe, J.L. and Verrest, M. (2019) ‘Cost and value of stakeholders participation: A systematic literature review’, *Environmental Science & Policy*, 101, pp. 364–373.
3. Antoci A., Sacco P. L., Vanin, P. (2007) ‘Social capital accumulation and the evolution of social participation’, *Journal of Socio-Economics*, 36(1), pp. 128–143. DOI: 10.1016/j.socec.2005.11.011
4. Etzioni, A. (1996) ‘The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential address’, *American Sociological Review*, 61(1), pp. 1–11.
5. Frolova, E.V., Rogach O.V. and Razov, P.V. (2023) ‘Initiative budgeting as a mechanism for improving the quality of life of the population’, *Narodonaselenie*, 26(2), pp. 66–77. (In Russian). DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6
6. Gilchrist, A. (2004) *The well-connected community: a networking approach to community development*. Bristol: Policy Press.

7. Hong, Y. (2018) 'Resident participation in urban renewal: Focused on Sewoon Renewal Promotion Project and Kwun Tong Town Centre Project', *Frontiers of Architectural Research*, 7, pp. 197–210.
8. Kalugina, Z.I. (2015) *Market transformation of the agricultural sector in Russia: Sociological discourse*. Novosibirsk: RAN. (In Russian).
9. Kholmanskaya, M.R. (1999) 'Political participation as an object of research: a review of domestic literature', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 170–176. (In Russian).
10. Mersiyanova, I.V. and Ivanova, N.V. (2021) 'Is it difficult or easy to be a socially active person during a pandemic', *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie peremeny*, 2, pp. 340–361. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1705
11. Milbrath, L.W. and Goel, M.L. (1977) *Political participation*. Second edition. Chicago: Rand McNally.
12. Mukhametkaliyeva, E.M. and Bastaubaeva, A.Zh. (2018) 'Crowdsourcing as a public engagement tool in rulemaking activities of Kazakhstan', *Public Administration Issues*, 3, pp. 138–163. (In Russian).
13. *Municipal Russia: way of life and way of thinking. Experience of phenomenological research* (2009) Moscow: MSU. (In Russian).
14. Nikovskaya, L.I. and Skalaban, I.A. (2017) 'Civic participation: features of discourse and trends in real development', *Polis*, 6, pp. 43–60. (In Russian).
15. Park, R. (2002) 'The city as a social laboratory', *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2 (3), pp. 3–12. (In Russian).
16. Quaghebeur, R. (2006) 'Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal and empowerment', *Interchange*, 37(4), pp. 309–331.
17. Reutov, E.V. (2015) *The potential of civil participation in the formation of a regional solidary society*. Belgorod: Epitsentr. (In Russian).
18. Shcherbakova, I.V. (2017) 'Features of the territory of residence as a factor of civic participation', *Sotsiologicheskii zhurnal*, 23(3), pp. 64–79. (In Russian).
19. Skalaban, I.A. and Serebryannikova, O.A. (2014) 'Territorial identity as a factor of social participation: generational context', *Idey i ideally*, 2, 1(19), pp. 65–74. (In Russian).
20. Sungurov, A.Yu. and Dmitrieva, A.E. (2023) 'Public participation in the government activities: Public and participatory budgeting and participatory design at the level of St. Petersburg municipalities', *Public Administration Issues*, 2, pp. 103–125. (In Russian). DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125
21. Ukhanova, Yu.V. (2020) 'The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological foundations of the study', *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*, 23(3), pp. 25–50. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.2

22. Velikiy, P.P. (2010) 'Neo-waste or superfluous people of the Russian village', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 9, pp. 44–49. (In Russian).
23. Vinogradskiy, V.G. and Vinogradskaya, O.Ya. (2023) 'The phenomenon of self-organization of the rural population: principles and prospects for research', *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 23(2), pp. 355–367. (In Russian) DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367
24. Vorobeva, I.N. (2023) 'Territorial identity of the population as a factor and consequence of social participation', *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 11(1), pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.4
25. Williams, G. (2004) 'Evaluating participatory development: tyranny, power and (re) politicization', *Third World Quarterly*, 25(3), pp. 557–578.
26. Yakimets, V.N. and Nikovskaya, L.I. (2019) 'Civic participation, cross-sector partnership and Internet technologies of public policy', *Sotsialnye i gumanitarnye znaniya*, 5(3), pp. 209–223. (In Russian).
27. Zald, M.N. (1987) *Social movements in an organizational society: collected essays*.
28. Zdravomyslova, E.A. (1990) 'Sociological approaches to the analysis of social movements', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, pp. 88–94. (In Russian).
29. Zubkov, V.A. (2012) 'The human factor as the basis for the successful development of the agricultural sector of the Saratov region in the 21st century', *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 12, *Sociologiya. Politologiya*, 2, pp. 53–56. (In Russian).

OFFICIAL DOCUMENTS

1. *Report on the best practices for the development of proactive budgeting in the constituent entities of the Russian Federation and municipalities* (2023) Moscow. Available at: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/0609_Doklad_2023_.pdf (accessed 10 September 2024).
2. *The results of the competitive selection of initiative projects for the provision of a subsidy from the regional budget for their implementation have been summarized*. Available at: https://saratov.gov.ru/gov/news/podvedeny_itogi_konkursnogo_otbora_initsiativnykh_proektov_dlya_predostavleniya_subsidii_iz_regional/ (accessed 10 September 2024).

Статья поступила в редакцию 05.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2024;
принята к публикации 25.09.2024.